

В 2012 году в Хабаровской краевой филармонии должна была исполняться новая, оркестровая версия оперы А. В. Новикова «Разговор человека с собакой». Вступительное музыкаловедческое слово в состоянии «боевой» готовности ждало своего вечернего часа. Я прокручивала его в голове, с волнением ждала событие и понимала, что не хватает каких-то важных и проникновенных слов. И помощь пришла как-то неожиданно: помогло фоном звучащее радио. Из радиоприемника, вещавшего на московских волнах, стали доноситься гармонии одного так хорошо знакомого хора Александра. Ведущий культурно-просветительской программы на Радио России рассказывал о конкурсе хоровых коллективов, и лауреаты (хор студентов Нижегородской консерватории) демонстрировали один из опусов нашего дальневосточного композитора. Вот где за державу точно было не обидно! И я поняла, что в этот важный день Саша находится где-то незримо рядом и премьера новой версии пройдет исключительно хорошо. Так и случилось...

В памяти всплывает и моя удивительная поездка в 2007 году на Новосибирский фестиваль «Покровская осень». Камерный хор Новосибирской государственной филармонии и академический симфонический оркестр дважды, в разных залах, представили искусенной публике «Мессу» для смешанного хора и оркестра А. Новикова. Музыка нашего автора звучала в ряду других сочинений, так или иначе представлявших композиторов, выросших или имеющих отношение к сибирской земле. В те дни все сожалели только об отсутствии автора в зале и интересовались, где еще можно услышать его сочинения. Было радостно, что именно мне композитор делегировал присутствие на фестивале, и я получила потрясающий заряд от живого, невероятно профессионального исполнения его сложного сочинения на престижном музыкальном форуме.

Память бережно хранит все показы сочинений Саши в нашем городе, потому что каждое исполнение и каждый новый опус были событием. Хоровики ждали свои произведения, оркестранты с удовольствием погружались в его изобретательную инструментальную вязь, вокалисты просили у композитора не забыть о них, и, конечно, в театральных спектаклях его музыка являлась особым героем. Безусловно, все сочинения были плодом настоящего, непридуманного творчества, они шли от сердца к сердцу и обладали каким-то тонким интеллектуальным обаянием.

Прошло, а точнее пролетело, десять лет с тех пор, как его не стало. Но «тень» его музыкальной улыбки словно витает над нашим дальневосточным городом.

Для меня каждое сочинение Новикова — это маленький шедевр, выполненный очень мастерски и с любовью к материалу. Можно очень много вспоминать нам

всем о том, какой был Саша и каждое воспоминание будет окрашено по-своему, воссоздавая его целостный портрет. Но самый правдивый портрет мы видим в творчестве.

У Ф. М. Достоевского есть очень интересное высказывание, которое, как мне кажется, уместно привести здесь: «Если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или даже как он волнуется благороднейшими идеалами. Вы смотрите лучше его, когда он смеется».

Смеяться Саша умел как никто другой, и его творчество вписывается в огромный пласт смеховой музыкальной культуры, традиции которой заложены еще в XIX веке М. Мусоргским и блистательно развиты в XX веке Д. Шостаковичем. Именно этих композиторов можно считать музыкальными предками и родственниками А. В. Новикова.

В далеком 1984 году А. Новиков написал вокальный цикл «Песни Козьмы» для баса и фортепиано. Ориентиром для композитора было как раз творчество Д. Шостаковича: «Сатиры Саши Черного», пять романсов на тексты из журнала «Крокодил», «Предисловие к полному собранию моих сочинений», «Антиформалистический раек». Уже тогда через эти песни проглядывали личностные качества композитора: его здоровое чувство юмора, насмешливость, ирония. Эти шесть песен можно считать неким родом «лирической сатиры» или автоиронии.

Интересно, что родом из 1984 года и замысел монооперы «Разговор человека с собакой», о которой хотелось бы чуть более подробно сегодня вспомнить. В одном из интервью автор поделился с корреспондентом историей создания оперы:

«Году, кажется, в 1984-м я гостил в Москве у своего дядюшки Анатолия Алексеевича. Тогда заканчивал учебу в консерватории и подумывал о том, чтобы завершить ее сочинением оперы. В разговоре с дядюшкой, а он был весьма начитанным человеком, мы перебирали разные произведения русской классики. Я склонялся к сологубовскому «Мелкому бесу», но дядюшка решительно настаивал на чеховском «Разговоре человека с собакой». Так он и посеял во мне этот замысел».

Сейчас опера Новикова удачно вписывается в традицию обращения российских авторов к творчеству русского писателя. И здесь мы вновь вспомним великого Д. Шостаковича, во многом сформировавшего вкусы композитора. Посыл обращения композиторов к Чехову у многих примерно одинаков. В 1960 году, в год столетия писателя, Шостакович писал: «Я очень люблю Чехова, это один из моих самых любимых писателей. Люблю читать и перечитывать не только его рассказы, повести, драмы, но и записки, письма... Читая его, я порой узнаю себя; мне кажется, каждый на месте Чехова в его столкновениях с жизнью реагировал бы точно так же, как он».

Так и близкие Новикова говорят, что Чехов всегда был одним из его любимых авторов. А слушая оперу, невольно думаешь о родстве душ двух авторов. Думается, не случайно со времени замысла до воплощения прошло так много лет. Такое острое, злободневное, ироничное, пронизанное болью полотно мог написать человек, прошедший свою школу жизни, в которой были и горести, и радости. Так же, как Мусоргский, Шостакович, отчасти Стравинский, композитор Новиков смеется в своем произведении, но это, безусловно, пресловутый «смех сквозь слезы». «Главное, будьте веселы, — советовал Чехов в одном из писем, — смотрите на жизнь не так замысловато; вероятно, на самом деле она гораздо проще. Да и заслуживает ли она, жизнь, которой мы не знаем, всех мучительных размышлений, которыми изнашиваются наши российские умы, — это еще вопрос».

Натуре Новикова были чужды пессимизм и уныние. В отношении ко многим псевдоглубокомысленным лозунгам сегодняшнего дня просвечивали ирония,

сарказм. Сфера трагикомического, блистательно воплощенная в музыкальном слове, спасала композитора и была способом выразить отношение к тому, что его волновало в окружающей жизни. Интеллектуальная игра окрашивала пронзительную музыкальную речь.

«...Все, что мы пишем, весь наш музыкальный язык в каком-то смысле является синтезом того, что мы слышали в течение всей своей жизни, только каждый делает индивидуальный отбор. И когда пишется какое-то сочинение на определенный сюжет, идет выбор того или иного интонационного материала». Эти слова Эдисона Денисова применимы к творчеству любого композитора. А. В. Новиков умел говорить в разной музыкальной стилистике, всегда диктуемой темой, сюжетом сочинения. Он обладал даром быть легким в любом жанре.

Быть современным, актуальным спустя время — есть удел немногих художников. И мне до сих пор кажется, что музыка Александра Новикова находится вне времени и она гораздо шире ее географической принадлежности.

Сохранились некоторые письма консерваторской поры, адресованные Александру. По ним можно восстановить и страницы музыкальной летописи нашей композиторской организации, и его собственные творческие планы, отклик на которые он получал. В одном из писем на тот момент председателя Дальневосточной композиторской организации Союза композиторов РСФСР Э. О. Казачкова (датированным восьмым марта 1980 года) есть такие строки: «Саша, я очень рад, что хоть чем-то могу тебе помочь. Я верю в тебя и рано или поздно ты своего добьешься. В тебе есть два неотделимых качества: божья искра и целеустремленность, а знания придут».

С легкой руки Казачкова молодой профессиональный композитор, выпускник Новосибирской консерватории, вернулся в Хабаровск — город, улицы которого помнят уверенные шаги такого верного искусству рыцаря музыки, сумевшего в ней сказать свое слово. И этому слову было суждено стать кульминационной точкой в развитии профессиональной музыки на земле дальневосточной.

